

и на господарских землях, и в больших угодьях знати, и они не были ограничены цеховыми предписаниями. Дворянам была дана привилегия продавать продукцию с их земель за границу и ввозить товары для личного пользования из-за границы, причем этот товар не облагался таможенной пошлиной. На ввозимые таким образом товары не распространялись муниципальные рыночные ограничения.

В.Б. Антонович в этой связи указывал на сохранявшееся сильное влияние общинных начал, поскольку верховные права на землю признавались за городской общиной, а не за отдельными феодалами [9, с. 9]. Но это представление постепенно разрушалось, так что, например, в Киеве в конце XV в. горожане потеряли право пользоваться сенокосами и прудами, села и пустоши распределялись между литовскими панями и боярами [10], а в конце XVI – начале XVII в. единственным следом прежней власти городской общины над сопредельной территорией осталось право горожан рубить дрова в окрестностях города, сперва на расстоянии 5 миль от города, а потом только от устья Ирпени до реки Кривец, и право рыбной ловли в Днепре и его заливах в тех же границах [9, с. 12–13].

Право самоуправления, данное городам, хорошо выглядело на бумаге, фактически муниципальное правительство контролировалось войтом и его приближенными, а в тех городах, где должность войта была куплена, реально правили нескольких богатых семей, приближенных к раде. Члены рады извлекали значительную прибыль из управления муниципальными производственными и торговыми учреждениями. Как замечает М.Ф. Владимирский-Буданов, рада подчинила себе общественный дух горожан и обуздала их инициативу. Она сконцентрировала в своих руках муниципальную власть и богатство. Помимо того, во многих городах рада проявила себя как орудие подавления русского населения и

православной веры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 15-03-00123/15 «Источники русского городского права в XIII–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оспенников Ю.В. Об особенностях изучения договорных грамот Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 32–34.
2. Антонович В.Б. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев: Univ. тип., 1878. Вып. 1. 24 с.
3. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1901. Т. 1. 26 с.
4. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Академия наук СССР, 1959. 531 с.
5. Грушевский А.С. Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв.: старина и борьба за старину. Киев: Univ. тип., 1918. 240 с.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302 с.
7. Музыченко П.П. История государства и права Украины. Киев: Знание, 2008. 588 с.
8. Забашта А.С. Магдебургское право: понятие и источники // Наука и современность. 2011. № 13–3. С. 207–212.
9. Архив Юго-Западной России. Ч. 5. Т.1. Киев: Univ. Тип., 1869. 637 с.
10. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846. № 120, 129, 151, 158, 171.

RECEPTION OF NORMS OF THE FOREIGN LAW IN THE 16TH CENTURY IN THE SPHERE OF THE RUSSIAN CITY LAW

© 2015

A.A. Talyneva, cadet

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: sources of law; Magdebourg right; city law; Grand Duchy of Lithuania.

Abstract: In article the general processes of distribution of the city law in the cities of the Western Russia and its following receptions in the Moscow state are considered. Questions of formal structure and the content of the Magdebourg right in the specified context are brought up. Actual perspective problems of their research are defined.

УДК 340

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ПЕРИОД С IX ПО СЕРЕДИНУ XIX В.

© 2015

А.Н. Федорова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс» Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: правонарушение; преступление; проступок; памятники права.

Аннотация: В статье дается характеристика понятия правонарушения в различные исторические эпохи. Основываясь на содержании памятников права, автор выделяет особенности подходов к пониманию и сущности указанного явления.

Одной из наиболее сложных в историко-правовой науке признана проблема соотнесения понятий и юридических конструкций, используемых современной теорией права, и терминологии, которая существовала в праве определенной исторической эпохи. В многочисленных исследованиях, посвященных Русской Правде, нельзя найти упоминания о понятии, составе, элементах правонарушения как общего понятия, соединяющего в себе противоправные деяния различной степени опасности, однако следует отметить существование в литературе определения понятия «преступление» по Русской Правде.

По Русской Правде независимо от того, на что пося-

гает виновный – на личность или имущество, данное деяние обозначалось как «обида». Иными словами, противоправное поведение (правонарушение) в терминологии древнерусского права имеет наиболее близкий аналог в понятии «обида», при этом и сам термин, и особенности его применения указывают на такую важную особенность, как частноправовая трактовка правонарушения. «Обида» рассматривается средневековым сознанием прежде всего как нарушение частного интереса и только затем – как нарушение правового установления, то есть частноправовой элемент трактовки правонарушения обладает над публично-правовым.

Вред частному лицу составляет характерную черту

правонарушений, которые предусматривались древнейшими памятниками русского права вплоть до XV в., в том числе и Русской Правдой. Помимо материального вреда, «обида» по Русской Правде подразумевает и причинение морального вреда. Так, ст. 8 Краткой редакции и ст. 67 Пространной редакции говорят о вырывании усов и бороды, что может быть охарактеризовано именно как причинение морального вреда.

Тем не менее многие исследователи придерживаются мнения об уже сформировавшемся понятии государства и, соответственно, о наличии преступлений против государственной власти. В частности, по мнению С.В. Юшкова, в Киевской Руси преступления против государства понимались как посягательства против княжеской власти [1, с. 509]. Наличие преступлений против государства предполагает, что в результате противоправных действий могли быть нарушены интересы господствующего класса, князя, а следовательно, государства. Соответственно, преступные деяния носили публичный характер. Самое слабое место этой концепции – отсутствие упоминаний о преступлениях против государственной власти в самой Русской Правде. Ведь все крупные памятники последующего законодательства предусматривали ответственность за преступные деяния этого типа. Логично предположить, что представление о государственной целостности и институте государственной публично-правовой власти сформировались только в период феодальной раздробленности, что и нашло отражение в процессе формирования централизованного государства с развитым аппаратом управления.

Период феодальной раздробленности на Руси отличается от периода существования Древнерусского государства значительным развитием понятия преступления. Вместе с тем специального термина для обозначения указанного понятия в Псковской судной грамоте не было.

Новгородское право, как и древнерусское, не знало формального понимания преступления как нарушения закона. Могло караться всякое деяние, причинившее вред, ущерб в широком смысле слова. Общее определение посягательства на чьи-либо интересы, соответствующее «обиде» Русской Правды, в новгородских источниках не встречается. Как подчеркивает О.В. Мартышин, как преступления могли караться «...попущки, сами по себе безобидные, но повлекшие тяжелые последствия...» [2, с. 277].

И.Е. Энгельман считал, что Псковская судная грамота «уже представляет нам зародыш того взгляда на преступление, который видит в нем более нарушение прав государственных, нежели частных, однако же при всем том большую часть преступлений она рассматривает как нарушения частного права, так что даже смертоубийство не подвергается по ней смертной казни, которая назначается единственно за тяжкое воровство, зажигательство и измену» [3, с. 70].

Не определенное специальным термином преступление предполагало совершение деяния, причиняющего вред не только отдельному частному лицу, но и государству в целом. И.Д. Мартысевич считает, что именно поэтому Псковская судная грамота упоминает о государственных преступлениях, например о государственной измене («перевете»), о которых ничего не говорится в Русской Правде [4, с. 93]. Преступление, по Псковской судной грамоте, представляет собой причинение вреда не только отдельной личности, а также интересам государства, его органов и должностных лиц. Правонарушитель в уголовно-правовых установлениях фигурирует лишь как абстрактный некто. Хотя Псковская судная грамота подразумевает участие в преступной деятельности детей, женщин, монахов, стариков, глухих, убийство сыном отца или братьев (ст. 58, 97), никаких специальных юридических характеристик преступника из этого не следует [5, с. 45].

В Судебнике 1497 г. под преступлением понимается,

прежде всего, посягательство на господствующий феодальный правопорядок, за которое преследует не потерпевший, а государство. Совершая преступление, «лицо тем самым противопоставляло себя обществу и господствующим в нем правилам общежития, нарушало упорядоченность системы общественных отношений» [6, с. 10]. Частноправовое начало в понятии преступления уступает место публично-правовому. Однако указанный переход к публично-правовому началу в установлении наказания не был окончательным, и частноправовой взгляд на преступление имел место и в эпоху Судебника 1497 г.: «А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнугиеть, да исцу его выдать въ его гибели головою на продажу, а судье не имати ничего на нем» [7, с. 55].

Эволюция понятия правонарушения характеризуется формулированием одного из важнейших признаков преступления – общественной опасности, поскольку «преступление наносит урон всему социальному и правовому укладу» [6, с. 10]. Термин «лихое дело», используемый в Судебнике 1497 г., заменил термин «обида», которым ранее обозначалось правонарушение. Смысл преступления стал более определенным и открытым. Первое упоминание об «ином каком лихом деле» встречается в статье 8 Судебника 1497 г. Ею предусмотрены меры ответственности за «татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело». Итак, «лихое дело» – это преступление по Судебнику 1497 г.

Обозначая неограниченный круг деяний как «иное какое лихое дело», Судебник 1497 г. в качестве преступника вводит понятие «ведомого лихого человека» [8, с. 43]. «Ведомый лихой человек» – это преступник по Судебнику 1497 г. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что «такими людьми признаются, по приговору общества, люди, хотя бы не уличенные ни в каком отдельном преступном деянии» [9, с. 393]. «Лихим человеком» мог быть признан любой, хотя бы и не совершивший никакого конкретного деяния, но сочувствовавший требованиям народа, поддерживавший их и в силу этого являющийся лицом, опасным для господствующего класса [10, с. 68–69]. Комментаторами Судебника 1497 г. отмечается, что неверно относить человека, совершившего деяние умышленно, к числу «ведомых лихих людей», поскольку первоначально, когда понятия случайного и неосторожного деяния еще не были выделены, виновный действовал умышленно. Но это еще не означало, что он был «лихим человеком», да еще и «ведомым» [10, с. 71].

Для признания кого-либо «ведомым лихим человеком» вовсе не требовалось, чтобы в его действиях был состав преступления, то есть таким путем обеспечивалась возможность причисления к «ведомым лихим» всякого выступающего против господствующего класса, и, соответственно, существовала возможность расправиться с ним [11, с. 41]. Введение такого понятия, как «ведомый лихой человек», являлось важным новшеством Московской Руси. Им обозначалось лицо, пользовавшееся среди местных жителей репутацией явного злоумышленника, закоренелого, профессионального преступника, уже неоднократно проявлявшего свои криминальные наклонности [6, с. 12–13]. В.А. Рогов подчеркивает, что «ведомые лихих» и разбойники стали главной опасностью для феодального государства [12, с. 5].

Судебник 1550 г. сохраняет термины, установленный Судебником 1497 г.: «лихое дело» – для обозначения правонарушения и «ведомый лихой человек» – для обозначения правонарушителя [13, с. 106–107, 108], хотя они практически не упоминаются Судебником 1550 г.

Под преступлением Судебники понимают не только нанесение материального или морального ущерба, «обиду». На первый план выдвигается защита существующего социального и правового порядка. Преступление – это, прежде всего, нарушение установленных норм,

предписаний, а также воли государя, которая неразрывно связывалась с интересами государства.

Уложение, подводя итог развитию русского уголовного права в XVI–XVII вв., понимает под преступлением не только какое-либо посягательство на феодальный порядок, но и вообще всякое нарушение указа царя. Как подчеркивает М.Ф. Владимирский-Буданов, Уложение «создает немало новых видов преступлений путем запрета безразличных деяний из целей полицейских и финансовых, чем понятие о преступлении приближается уже (но не равняется еще) к понятию о нем как о нарушении закона» [9, с. 401].

Соборное уложение 1649 г. в качестве термина, обозначающего преступление, продолжает использовать термин «лихое дело», уточняя его. «Лихие дела» в период Соборного уложения 1649 г. представляют опасность для феодального общества. Преступление характеризуется не столько причинением вреда, сколько нарушением царской воли, установленного порядка и посягательством на устои существующего государственного и общественного строя, на огражденные законом права частных лиц.

При Петре I впервые появляется термин «преступление» для обозначения наказуемых деяний, означавший всякое нарушение закона, воли царской, воли государевой, хотя в указанный период времени еще не существует четкого определения данного понятия. Учители, что государство защищало интересы дворянства, можно считать, что преступлением являлось действие, общественно опасное для государства и дворян. Понятие преступления формулируется позже в XV томе Свода законов Российской империи.

Преступлением являлось и что-либо «вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, также его государства, людей или интересу государственного» [14, с. 328]. Комментаторами артикулов отмечается, что в качестве преступления могло рассматриваться и действие, прямо не предусмотренное законом, что влекло за собой широкое применение уголовной репрессии и развитие судебного произвола [15, с. 328].

Использовавшиеся ранее термины «вор», «воровство» заменялись понятиями «преступление», «преступитель» и «преступник», что явилось существенным нововведением по сравнению с ранее действовавшими нормами. Однако артикулы не отказались полностью от терминологии, существовавшей в Соборном уложении 1649 г., и в нормах артикулов употребляются термины «воровски» и «вор» для обозначения преступно совершенного деяния и преступника как лица, его совершившего.

Наиболее полная характеристика преступления и проступка была дана к середине XIX в. В томе XV Свода законов устанавливается: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано» [16, с. 1]. Свод законов уточнял, что преступление запрещается под страхом наказания, а проступок – под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления, то есть при определении данных институтов в основу была положена тяжесть наказания, устанавливаемая за их совершение.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» предпринималась попытка определить преступление и проступок в зависимости от объекта посягательства: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права и безопасность общества или частных лиц, есть преступление» [16, с. 174]. По мнению О.А. Омельченко, «едва ли не главной характеристикой тех новых принципов и идей в уголовной политике «просвещенного абсолютизма» было стремление отойти от формального и абстрактного понимания преступления («все то, что вред и убыток

государству приключить может – суть преступления»), присущего предыдущему периоду истории русского уголовного права, и выработать критерий, исходящий из естественно-правового понимания справедливости. Различие между старым и новым пониманием преступления выражалось прежде всего в разном подходе к содержанию и структуре Уголовного Уложения» [17, с. 31].

Итак, с течением времени частноправовое начало в понимании преступления постепенно заменялось публично-правовым. Памятниками права выделялись гражданско-правовые деликты и проступки, разграничивались меры ответственности за них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 544 с.
2. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. 384 с.
3. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1855. 199 с.
4. Мартысевич И.Д. Псковская Судная грамота: историко-юридическое исследование. М.: Московский университет, 1951. 208 с.
5. Проценко Ю.Л. Государство и право Руси в период феодальной раздробленности (XII–XIV вв.). Волгоград: ВолГУ, 2001. 60 с.
6. Рожнов А.А. Уголовное право Московского Государства (XIV–XVII вв.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижений, 2007. 172 с.
7. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. С. 55.
8. Антонов Д.И. Клятва и крест: проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 42–53.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 797 с.
10. Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
11. Бабицкий Б.Е. Общественно-политический строй и право в период образования русского централизованного государства (XIV–XV вв.). Минск: Белорусский университет, 1957. 42 с.
12. Рогов В.А. Уголовное право и внутренняя политика русского государства: анализ хроники С. Герберштейна «Записки о московитских делах» // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1986. С. 3–24.
13. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
14. Артикул воинский от 26 апреля 1715 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
15. Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи. Репринтное издание. Кн. 5. Т. 15. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1885. 262 с.
17. Омельченко О.А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» в развитии русского уголовного права во второй половине XVIII в. // Вопросы истории

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF OFFENCES DURING THE PERIOD FROM THE 9TH TO THE MIDDLE OF 19TH CENTURY

© 2015

A.N. Fedorova, candidate of legal sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil law and procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: offence; crime; misdemeanor; law records.

Abstract: The article describes the concept of offence in different historical epochs. Based on the content of the law records, the author highlights the peculiarities of the approaches to the understanding and essence of the specified phenomena.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2015

Т.В. Шутемова, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: криминалистическая тактика; тактика допроса подсудимого; государственный обвинитель; состязательность судопроизводства.

Аннотация: Рассматриваются вопросы, касающиеся тактики допроса подсудимого государственным обвинителем в условиях состязательного судопроизводства.

Закрепление принципа состязательности в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) вызвало интерес ученых и практиков к проведению судебного допроса в ходе судебного следствия при рассмотрении в суде уголовного дела. В последнее десятилетие непосредственно судебному допросу в уголовном процессе посвящен ряд диссертационных и монографических исследований [1–4].

Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит, как определено в ст. 14 УПК РФ, на стороне обвинения, которая и представляет доказательства первой в судебном заседании (ч. 1 ст. 274 УПК РФ). Отметим, что как таковые показания подсудимого не включены в перечень доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, где говорится о показаниях подозреваемого, обвиняемого. Подсудимым именуется обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство (ч. 2 ст. 47 УПК РФ), и далее в УПК РФ разъяснено, что показания обвиняемого – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе судебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями ст. 173, 174, 187–190 и 275 УПК РФ (ст. 77 УПК РФ). Полагаем, что указанная некорректность могла бы быть исключена дополнением п. 1 ч. 2 ст. 74 и ст. 77 УПК РФ словами о показаниях подсудимого.

С разрешения председательствующего, подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия, в том числе и в период представления доказательств стороной обвинения. Однако даже если подсудимому будет разрешено давать показания во время представления доказательств государственным обвинителем, первыми его будут допрашивать защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, а затем государственный обвинитель и участники со стороны обвинения (ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Вопрос о том, кто должен первым допрашивать подсудимого и когда подсудимый должен давать показания, в юридической литературе является дискуссионным. Так, С.А. Александрова полагает, что ч. 1 ст. 275 УПК РФ должна быть сформулирована в такой редакции: «При согласии подсудимого дать показания первыми его допрашивают государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения, затем защитник и участники судебного разбирательства со стороны

защиты» [5, с. 9]; с этим предложением согласны А.С. Виноградов и А.А. Хайдаров, поскольку, по их мнению, стороны будут исследовать доказательства, так или иначе связанные с действиями подсудимого и его личностью, а от его процессуальной позиции зависит в ряде случаев, состоится ли вообще судебное следствие, когда речь идет об особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [6, с. 101]. В то же время Е.Б. Кузин, отстаивая современную редакцию ч. 1 ст. 275 УПК РФ, предлагает уточнить ее указанием на форму свободного рассказа, а именно: «При согласии подсудимого дать показания, в том числе в форме свободного рассказа по поводу обвинения и известных ему обстоятельств дела, первыми его допрашивают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты...» [7, с. 7]. Большинство проанкетированных прокурорских работников (данные П.И. Зинченко) считают целесообразным допрашивать подсудимого до исследования доказательств по делу [4, с. 149]. Несомненно, первичное проведение государственным обвинителем допроса подсудимого и допрос подсудимого в начале судебного следствия с позиции обвинения являются предпочтительными, особенно когда подсудимый признает свою вину, поскольку позволяют определить наиболее эффективную тактику действий государственного обвинителя, однако это не в полной мере согласуется с принципом состязательности сторон, в соответствии с которым подсудимый отнесен к стороне защиты.

Первую официальную информацию об избранной подсудимым позиции в суде прокурор, поддерживающий обвинение, получает в начале судебного следствия, когда после изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения председательствующий опрашивает последнего, выясняя, понятно ли ему обвинение, признает ли он себя виновным и желает ли он или его защитник выразить свое отношение к предъявленному обвинению (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). При подтверждении отказа от признания вины либо при негативном изменении позиции подсудимого перед государственным обвинителем встает задача так определить порядок представления обвинительных доказательств, чтобы к моменту допроса подсудимого максимально исключить возможность иной интерпретации события, чем изложено в обвинении (например, избрать последовательность предъявления доказательств по последо-